

«Фельетонисты наши очень не взлюбили слово «прогресс» и преследуют его с тем остроумием, которого неоспоримую и блестящую славу они делают только с нашими же водевиллистами» (XI, 76).

Таким образом, идейное содержание рецензии, то, что в ней не просто повторены мысли Белинского, а дается их дальнейшее развитие, то, что в ней как бы перекидывается мостик от статей, написанных ранее, к статьям и письмам последующего периода и, в частности, к таким принципиально важным, как «Письмо к Гоголю», «Ответ „Москвитянину“», «Сельское чтение», наконец, многочисленные фразеологические параллели и сопоставления со статьями Белинского — все это заставляет нас еще раз повторить свое утверждение, что опубликованная рецензия могла быть написана только Белинским.

Е. К и й к о

VI

«БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. В XI КНИГАХ. С БИОГРАФИЕЙ, ПИСАННЮЮ П. А. ПЛЕТНЕВЫМ, ИЗД. ВТОРОЕ»

(«Современник», 1847, кн. 12)

1

В. Кулешов в своем сообщении «Мнимые рецензии Белинского в „Современнике“», напечатанном в 55-м томе «Литературного наследства», приводит данные, свидетельствующие, что сводная рецензия на книги: «Полное собрание сочинений И. Крылова. С биографией его, писанною П. А. Плетневым» и «Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинение академика Михаила Лобанова» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 124—134), которая прежде включалась в собрание сочинений Белинского, в действительности ему не принадлежит и написана А. В. Никитенко. Факты, сообщаемые В. Кулешовым, убедительны, и сомнений в том, что настоящая рецензия должна быть изъята из собрания сочинений Белинского, не возникает.

Далее В. Кулешов пишет: «Но если рецензия принадлежит Никитенко, — а мы это считаем доказанным, — то под удар попадает и другая, приписываемая Белинскому анонимная рецензия, напечатанная в № 12 „Современника“ за 1847 г. (отд. III, стр. 233—234): „Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе“. Эту рецензию приписал критику В. С. Спиридонов, включив ее с соответствующей аргументацией в свою публикацию „Неизвестные статьи и рецензии Белинского“ в № 7 „Красной нови“ за 1936 г.* Но вся аргументация В. С. Спиридонова строится на сопоставлении и сходстве изученного им текста с предыдущей рецензией. Очевидно, что теперь мы должны переключить всю эту аргументацию на Никитенко. И действительно, рецензия эта, так же как и предыдущая, принадлежит ему» («Лит. наследство», т. 55, стр. 408). Однако проверка всех данных показала, что заключение В. Кулешова, который повторил при сопоставлении текста этих двух рецензий аргументацию В. С. Спиридонова, лишено какого бы то ни было основания. Связь этих двух рецензий В. С. Спиридонов доказывает следующим образом:

«Настоящую рецензию автор начал так: „О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом... Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры“. И в рецензии Белинского <которая действительно написана А. Никитенко. — *Е. К.*> о „Полном собрании сочинений И. Крылова“, напечатанной за десять месяцев перед тем, было сказано: „Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь

* Рецензия эта вошла также в XIII том Полн. собр. соч. Белинского, под ред. и с прим. В. С. Спиридонова, Л., 1948. — Р е д.

несогласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же" (т. X, стр. 462).

Автор настоящей рецензии говорит: „В начале нынешнего года они <Юнгмейстер и Веймар> издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одного его басен, приложив к нему биографию Крылова“, составленную „искусно и умно“, опять Плетневым. И Белинский в своей рецензии писал: „Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова“, мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек“ (т. X, стр. 456—457)» (XIII, 470).

Нам кажется, что этих сопоставлений совершенно недостаточно, чтобы приписывать обе рецензии одному автору.

Изучение текста обеих рецензий свидетельствует о том, что они не имеют между собой ничего общего и что вторую рецензию на «Басни Крылова» из 12 № мог написать только Белинский. Приведем аргументы в пользу нашего утверждения.

1. В рецензии, написанной Никитенко, ничего не сказано о том, что творчество Крылова когда-то оценивалось различными литературными партиями по-разному. Белинский начинает свою рецензию с того, что определяет историческое место басен Крылова, называя его характерным для Белинского термином: «художник-баснописец». Имея в виду кн. П. А. Вяземского, Белинский писал: «Было время, когда некоторые, из партии знаменитых друзей, силились доказать превосходство басен Дмитриева над баснями Крылова; чуть ли не по этому случаю Иван Андреевич написал свою превосходную басню „Прихожанин“*. Но это время, слава богу, уже далеко от нас; сами знаменитые, давно уже уволенные общественным мнением в чистую отставку из знаменитых, вероятно, неохотно вспоминают о своих забавных усилиях талантливого беллетриста-баснописца поставить выше великого художника-баснописца» (XIII, 229).

В рецензии Никитенко подобного определения нет и не могло быть, поскольку речь шла о Вяземском.

2. Никитенко никогда не употреблял термин «натуральность» для определения положительных сторон современной литературы. Наоборот, он считал, что «естественность художественная имеет свои ограничения» («Современник», № 1, отд. II, стр. 68). В рецензии Белинского читаем: «Даже люди, в старину находившие важным недостатком в баснях Крылова излишнюю натуральность (напр. в басне „Свинья“) и не прощающие натуральности новым писателям, — насчет натурализма Крылова хранят теперь благоразумное молчание» (XIII, 229). Известно, что именно Белинский в числе предшественников натуральной школы вслед за Кантемиром называл Крылова.

3. Белинский всегда особенно отмечал дешевизну книг. В настоящей рецензии этому вопросу посвящен целый абзац, причем обращается особое внимание на то, смогут ли купить это издание «небогатые люди». В рецензии Никитенко подобного рассуждения нет.

4. Рецензия на «Басни Крылова» в 12 № «Современника» была напечатана перед рецензией на «Сочинения Фонвизина», которая начиналась следующим образом:

«Конечно, ни один из русских писателей, старых и новых, не может равняться с Крыловым в числе изданий своих сочинений. Но, кажется, из старых писателей Фонвизин в этом отношении ближе всех других к Крылову» (XI, 56).

Смысловая связь этих двух рецензий очевидна и была отмечена еще В. С. Спиридоновым в его публикации, но В. Кулешов оставляет этот аргумент в стороне.

* Под некоторыми из партии «знаменитых друзей» подразумевался П. А. Вяземский, который стремился доказать превосходство басен Дмитриева над баснями Крылова в своем стихотворении «И. И. Дмитриеву» (в день его именин) («Сын отечества», 1821, № 48, стр. 82) и в статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», которая являлась предисловием к изданию его стихотворений в 1823 г.

В. С. Спиридонов пишет: «В журнале вслед за устанавливаемой рецензией помещена рецензия Белинского о „Сочинениях Фонвизина“, начало которой является как бы продолжением настоящей рецензии» (XIII, 470—471). Следует добавить, что рецензия на второе издание Сочинений Фонвизина, на которую ссылается В. С. Спиридонов, была кратким изложением рецензии Белинского на первое издание сочинений Фонвизина, напечатанной в 1 № «Современника» за 1847 г., рукопись которой была известна, когда печаталось первое собрание сочинений Белинского (см. XIII, 355, прим. 716). Следовательно, сомнений в том, что обе рецензии о сочинениях Фонвизина написаны Белинским, быть не может; а раз так, то очевидно, что и рецензия на «Басни Крылова», которая связана композиционно с одной из этих рецензий, также принадлежит Белинскому.

Таким образом, как свидетельствуют факты, рецензия на книгу «Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе» принадлежит действительно Белинскому, и приписывать ее Никитенко нет никаких оснований.

Е. К и й к о

2

Мы остаемся при своем прежнем мнении, что рецензия на «Басни И. А. Крылова» в «Современнике», 1847, № 12 написана не Белинским, а Никитенко.

Е. Кийко считает доказанным, что сводная рецензия на два издания о Крылове, напечатанная в «Современнике», 1847, № 2, принадлежит, действительно, Никитенко, а не Белинскому, как считалось до сих пор. «Факты, сообщаемые В. Кулешовым, — пишет Е. Кийко, — убедительны, и сомнений в том, что настоящая рецензия должна быть изъята из собрания сочинений Белинского, не возникает».

Однако, признавая это, Е. Кийко совершенно отрицает сходство этой рецензии с новой рецензией в «Современнике», 1847, № 12, открытой В. С. Спиридоновым. «Изучение текста обеих рецензий, — пишет Е. Кийко, — свидетельствует о том, что они не имеют между собой ничего общего».

Но так ли это на самом деле?

Повторим еще раз параллели, установленные В. С. Спиридоновым.

В сводной рецензии Никитенко сказано: «Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь несогласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 133).

Разве не то же самое и не в тех же выражениях говорится о баснях Крылова во второй, спорной, рецензии: «О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом... Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры» («Современник», 1847, № 12, отд. III, стр. 233).

Или обратим внимание, в каких выражениях Никитенко в сводной рецензии хвалит Плетнева, автора биографии Крылова: «Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова“, мастераски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек, — в последнем отношении еще, может быть, лучше, нежели в первом. Взгляд автора статьи на Крылова отличается оригинальностью и глубокостью мысли» (там же, № 2, стр. 126. Разрядка наша. — В. К.).

В спорной рецензии повторяется в тех же выражениях прежний отзыв о статье Плетнева и затем дается точно такая же высокая оценка новой статьи Плетнева о Крылове: «В начале нынешнего года они <т. е. Юнгмейстер и Веймар> издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастераски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова, написанную опять г. Плетневым. Это отчасти извлечение из первой

биографии, отчасти совершенная ее переделка... Биография эта составлена им и с к у с н о и у м н о (там же, № 12, стр. 233—234. Разрядка наша.— В. К.).

Эти сопоставления, на наш взгляд, достаточно убедительны.

Между рецензиями имеется не только стилистическое сходство, но и внутренняя преемственность. На страницах одного и того же журнала, в пределах одного года, дважды говорится об изданиях Крылова, снабженных в том и в другом случае биографиями баснописца, составленными Плетневым. Автор второй рецензии держит в поле своего зрения оба издания и одинаково положительно и в тех же выражениях отзывается о статьях Плетнева, подмечая опытным глазом, что вторая биография является «отчасти извлечением из первой биографии, отчасти совершенной ее переделкой».

Не естественно ли заключить отсюда, что автором обеих рецензий является одно лицо — именно Никитенко, «официальный» редактор «Современника», принадлежность которому первой рецензии считает доказанной и Е. Кийко.

Е. Кийко в своих замечаниях заявляет, что во второй рецензии встречаются высказывания, которых нет в первой и которые могут принадлежать т о л ь к о Белинскому. Но можно указать и в первой рецензии такие места, которых нет во второй. И вообще, как можно серьезно становиться на путь подобных сравнений, если рецензии несоизмеримы по своему объему (первая в восемь раз больше второй)?

Обратимся к высказываниям, которые мог сделать, по мнению Е. Кийко, т о л ь к о Белинский. Например: «натуральность» в положительном смысле или «художник-баснописец», «беллетрист-баснописец». Нам кажется, что сама категоричность подобных утверждений Е. Кийко не вполне оправдана. Если бы мы по терминологии могли безошибочно определять авторство Белинского, то вопрос об атрибуции текстов разрешался бы очень просто. Ведь и первую рецензию, начиная с 1860-х годов, приписывали Белинскому, хотя она принадлежит Никитенко. Известно также, как п о х о ж и статьи молодого Некрасова на статьи Белинского. Влияние Белинского на современную ему критику было столь огромным, что «под Белинского» писали многие.

Е. Кийко говорит: «В рецензии, написанной А. Никитенко, ничего не сказано о том, что творчество Крылова когда-то оценивалось различными литературными партиями по-разному». А Белинский-де как раз пишет об этом в приписываемой ему рецензии и даже делает выпад против Вяземского.

Что же из этого следует? В первой рецензии говорится о полном собрании сочинений Крылова и лишь мимоходом о баснях, как о вопросе, решенном и публикой и критикой. А во второй рецензии с п е ц и а л ь н о о баснях, и то автор не входит в подробности, также ссылаясь на то, что вопрос этот всеми решен положительно. Различные оценки (собственно речь идет только о статье Вяземского 1823 г. <1>), в которой он поставил Дмитриева выше Крылова) критики вызывало как раз не все творчество Крылова, а лишь его басни. Поэтому естественно некоторое углубление этого вопроса во второй рецензии. Самое важное то, что в обеих рецензиях одинаковый вывод. В первой: «Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце». Во второй: «Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры» («споры», поистине, были четверть века назад). Почему Е. Кийко полагает, что Никитенко не мог в анонимной рецензии слегка «пощипать» Вяземского? Не будучи полемистом, он, однако, остро начинает свою первую рецензию, заявляя, что издание сочинений Крылова изобличает «крикунов и полуталантливых рифмачей, которые утверждают, будто теперь на Руси журнал убил книгу, и книги уже не покупаются публикою». Ведь это совершенно мысль Белинского, не раз высмеивавшего подобные мнения. Посмотрим, как определяет Никитенко общий характер басен Крылова: «Как истинно гениальный человек, он, подобно другим, не ограничился в басне баснею, но придавал ей жгучий характер сатиры и памфлета» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 133). И хотя Никитенко здесь не договорил, что не всем нравились «жгучая сатира» и «памфлеты» Крылова, видно, что понимал он этот вопрос правильно. Можно сказать, совсем «по Белинскому». Не стоит спорить о словах. По существу вопроса между первой и второй рецензиями нет р а с х о ж д е н и й.

Е. Кийко пишет: «Никитенко никогда не употреблял термин „натуральность“ для определения положительных сторон современной литературы. Наоборот, он счи-

тал, что „...естественность художественная имеет свои ограничения“ («Современник», 1847, № 1, отд. II, стр. 68). Опять спор о словах. Известно, что Никитенко участвовал своими статьями во всех начинаниях «натуральной школы» («Физиология Петербурга», «Петербургский сборник», «Современник»). Он в свое время написал одобрительную рецензию на «Физиологию Петербурга» («Библиотека для чтения», 1846, т. LXXV, отд. V, стр. 13—54). В «Ответе „Москвитянину“» Белинский считал нужным «вступить-ся» за Никитенко против Ю. Самарина. Наконец, что значит выражение «естественность художественная имеет свои ограничения»? Разве это намек на теорию «чистого искусства»? Ничуть не бывало. Никитенко выступает здесь против плоского копирования, за создание художественных типов. Приведем цитату полностью: «Итак, естественность художественная имеет свои ограничения. Они, однакож, не состоят ни в исключении из сферы искусства известного рода предметов, ни в умысленной их порче для видов так называемого приличия. Классификации предметов, подлежащих или не подлежащих художественной обработке, нет...» Или: «Известно, что одно из важнейших требований искусства есть подлинность, естественность созданий, какие творческая фантазия вносит в его мир» (стр. 66. Разрядка наша — В. К.). Разве здесь не сказано по существу то же самое, что выражает слово «натуральность»? Е. Кийко, так же как и В. С. Спиридонов, считает веским аргументом то обстоятельство, что в «Современнике» 1847, № 12, вслед за спорной рецензией о Крылове, помещена маленькая рецензия Белинского на «Сочинения Фонвизина», начало которой «...является как бы продолжением настоящей рецензии» (XIII, 470—471).

Рецензия на «Сочинения Фонвизина» начинается словами: «Конечно, ни один из русских писателей, старых и новых, не может равняться с Крыловым в числе изданий своих сочинений» (отд. III, стр. 234). Неужели эта простая композиционная увязка с предыдущей рецензией свидетельствует, что и ту и другую рецензию писало одно лицо, в данном случае Белинский? Белинский знал, конечно, что рядом с его рецензией идет однотипная рецензия Никитенко и мог связать с ней свою рецензию переходной фразой. Не только такие переходные фразы, «связки», совершенно естественные при общей редакции отдела в журнале, заботившемся о «единстве направления», но и прямые отсылки к предыдущей статье не являются еще свидетельством, что и статью и отсылочную заметку (или статью, в которой имеется отсылка) писало одно лицо. Все эти формулы «мы писали», «мы говорили», часто встречающиеся в журналах, выражают не всегда персональное чье-либо мнение, но часто мнение редакции в целом. В «Современнике» и после смерти Белинского еще встречаются отсылки к его статьям с формулировкой: «Мы уже имели случай говорить...» (см. «Советская книга», 1949, № 3, стр. 101—102). Что касается довода будто только Белинский обращал внимание на дешевизну изданий, то мы могли бы привести десятки примеров, как на то же самое обращали внимание многие другие критики и рецензенты. Этот «довод» по меньшей мере несерьезен.

Теперь перейдем к самому важному, на наш взгляд, аргументу, который решительно заставляет приписать спорную рецензию именно Никитенко.

Е. Кийко проходит мимо того факта, что для Белинского были бы не только странными, но даже противоестественными похвалы Плетневу, которые расточаются в обеих рецензиях. Плетнев был идейным противником Белинского. В его переписке с Гротом встречаются злобные выпады против Белинского. И Белинский, конечно, никогда не заблуждался на этот счет. Кто такой Плетнев для Белинского?—Представитель «аристократической» партии, содравший с Некрасова втридорога за «Современник». Белинскому ли восхищаться «искусностью», «умом» и «глубокомыслием» писаний Плетнева!

Совершенно другое отношение к Плетневу было у Никитенко. Плетнев — ректор Петербургского университета. Никитенко — профессор этого же университета, лицо, подчиненное Плетневу, и частый гость в его доме. Воззрения «либерального» цензора не слишком противоречили воззрениям Плетнева. Во всяком случае он иногда даже жаловался ему на своих новых «друзей» по «Современнику» — Белинского и Некрасова,

Мы теперь знаем, из письма Плетнева к Гроту от 22 февраля 1847 г., что рецензия с похвалами Плетневу в № 2 «Современника» принадлежит Никитенко. А вот что сообщается дальше в том же письме: «Б е л и н с к и й и Некрасов так были этим раздосадованы... что чуть не разошлась эта компания по углам. По крайней мере так это передал мне Н<икитенк>о» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», СПб., 1886, т. III, стр. 20. Разрядка наша.— В. К.).

Итак, Белинский был п р о т и в похвал Плетневу в указанной рецензии Никитенко. В таком случае как же он мог, если бы вторая рецензия, действительно, принадлежала ему, п о в т о р и т ь в ней все прежние похвалы Никитенко Плетневу да еще прибавить от себя комплименты по поводу новой статьи Плетнева? Не свидетельствует ли это с полной очевидностью, что и вторая рецензия, появившаяся в двенадцатой книжке 1847 г., написана не Белинским, а Никитенко? Мы считаем, что это именно так.

В. Ку л е ш о в

VII

«БЛАГОВОСПИТАННОЕ ДИТЯ, ИЛИ КАК ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ. СОЧ. ЖОЗЕФИНЫ ЛЕБАССЮ»

(«Современник», 1848, кн. 2)

1

В наиболее полных собраниях сочинений Белинского — изд. Солдатенкова и Щепкина (т. XI) и под редакцией Венгерова (т. XI) помещены рецензии: «Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести. Соч. Жозефины Лебассю». Принадлежность ее Белинскому до сих пор ни у кого не вызывала сомнений. Однако обратим внимание на характерное указание автора в самом начале этой рецензии, которое приводит в конечном счете к сомнению: «„Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести“, — пишет автор, — удивительная, несравненная книжка и к тому же еще с т а р а я н а ш а з н а к о м а я! Она была издана впервые, если не ошибаемся, д е с я т ь л е т н а з а д тому, и тогда мы радостно п р и в е т с т в о в а л и ее в одном, уже теперь, увя! н е с у щ е с т в у ю щ е м журнале».

Цитируемая рецензия напечатана впервые в «Современнике», 1848, № 2, отд. III, стр. 137—141, без подписи.

Столь категорическое сообщение автора о том, что он лет десять назад высказывался о книжке Лебассю в одном из журналов, заставило нас поискать эту «новую» рецензию. Известно, что Белинский участвовал в следующих изданиях: «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», «Отечественные записки» и «Современник».

Книжка Лебассю первым изданием вышла в 1838 г. (дата цензурного разрешения 5 октября 1838 г.) с несколько иным названием «Благовоспитанное дитя, или как должно жить в свете». Следовательно, «Телескоп» и «Молва» сразу отпадают: они были закрыты еще в 1836 г. «Отечественные записки» и «Современник» также отпадают, потому что Белинский говорит о теперь уже «несуществующем журнале», а в 1848 г. оба эти журнала существовали.

Искать рецензию нужно было в «Московском наблюдателе» и «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Оба издания прекратили свое существование в 1839 г., т. е. как раз около десяти лет назад. («Литерат. прибавл.» были с 1840 г. преобразованы в «Литературную газету», просуществовавшую до 1849 г.) Внимательнейший просмотр «Московского наблюдателя», начиная с октября 1838 г. и за весь 1839 г., ничего не дал. В нем не нашлось даже простого упоминания о книжке Лебассю. Но зато в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» удалось обнаружить маленькую анонимную рецензию на интересующую нас книжку. Она напечатана в № 4 от 28 января 1839 г.